

Бывает же такое невезение: давно обговоренная встреча с народной артисткой СССР лауреатом Государственной премии РСФСР Алисой Фрейндлих произошла как раз в тот трудный день, когда она прощалась с Ленинградским театром имени Ленсовета. А ведь лет пятнадцать зрители ходили сюда именно «на Фрейндлих». О причинах перехода в новый коллектив здесь еще пойдет речь. Самым же первым вопросом был вопрос о современных, женщинах героических, роли которых актрисе доводилось играть на сцене, в кино.

Алиса Бруновна положила чуть поодаль большой букет — наверное, прощальный подарок театра — заговорила медленно, негромко:

— В мирное, охраняемое нашей зоркой армией время — героизм женщины представляется мне не совсем обычным. Во всяком случае, не таким, как в Великую Отечественную войну, например. Все мы помним Зою Космодемьянскую, Лизу Чайкину, помним многих военных санитаров и санитарок, военных летчиков помним. Величие их поступков на поле боя, в единоборстве с врагом — патристично, достойно вечного и всеобщего нашего поклонения. Их действия на фронте или во вражеском тылу хотелось бы назвать «прямым героизмом».

А те роли, что довелось мне играть, они, так сказать, «невоенные». Случается, в мирное, совсем обыденное время обстоятельства вдруг требуют от моей героини, сценической или кинематографической, решения. Решения важного, нужного — и чтобы оно было точь-в-точь в согласии с собственной совестью. Не пойти ни на какие компромиссы, поступки во имя высоких, нравственно чистых целей — это, думается, и есть предпосылка к героизму. Такое может случиться, скажем, с врачом; а в «Ковалевой из провинции» я играю народную судью, которая тоже выбирает бескомпромиссный путь. Еще одна предпосылка к героическому видится в судьбах жен офицеров. Способность их к самоотречению, отказ от многих удобств, житейских «гладкостей» характерны, по-моему, для моей современницы — жены советского офицера. Она едет вслед за мужем порой за тридевять земель, в пески или горы, в безлюдье и несет там свою долю суровой армейской службы, делая ее с супругом столь же беззаветно, стойко...

Пробую напомнить актрисе: был ведь и в ее творческой судьбе фильм «Анна и Командор», где она сыграла роль жены военного. Алиса Бруновна обещает вернуться к разговору о киноролях и завершает свою мысль о боевых подвигах:

— Когда доводится бывать с шефскими спектаклями в отдаленных гарнизонах, на «точках», с особым удовольствием встречаюсь с «женским персоналом». К женам офицеров у меня особое почтение, я преклоняюсь перед ними.

— Вы упомянули «Ковалеву из провинции». Не все читатели, возможно, знакомы с этой вашей сценической работой.

— Да, хотя спектакль давался по телевидению... Почти вся пьеса посвящена рядовому судебному разбирательству. Судят спекулянта потерейными билетами. Но суд происходит как раз в тот момент, когда возникает дилемма. Если не поддаться «начальственному

Родилась она в актерской семье. Бруно Артурович Фрейндлих, известный ленинградский артист старшего поколения, не протезировал дочери, не «устраивал» ее, решившую после школьного драмкружка поступать в Институт театра, музыки и кино. Она пробивала себе дорогу сама.

«Звезда А. Фрейндлих вошла в одночасье», — возвы-

повторюсь, воспринимаю совсем трудно. Что касается «Анны и Командора», то, кажется, это не очень стыдно, хотя целиком картина, видимо, не удалась. Не очень стыдно было мне после телефильма «Опасный возраст», поставленного Александром Прошкиным. И еще после «Идеалистки», той части, где мы играем вместе с Никитой Михалковым. И автор мне здесь был симпати-

Любовь Георгиевна начинает анализировать свою жизнь и все, что произошло. И приходит к выводу: чрезмерная, да, чрезмерная эмансипация лишила ее той беззащитности, что является родной сестрой женственности. Женщина эта стала слишком деловой, самостоятельной. Начальницы вроде...

— Вроде вашей «Мыры» из фильма «Служебный роман»?

— Именно. Это избыточные явления одного порядка. Любовь Георгиевна, которую я играю, не лишена, правда, наивно женственности. Но она фактически глава семьи. Муж ее — ученый. Весь в работе. Знаете, такой взрослый ребенок. Ну, и как бывает подчас в жизни, муж находит, встречает другую. Вовсе беззащитную, нуждающуюся в крепкой руке. Муж Любви Георгиевны почувствовал себя вдруг гораздо сильнее прежнего, рядом с той, беззащитной...

— Посмотрят вас в спектакле иные такие мужья — да кинутся, паче чаяния, себе слабых разыскивать!

— От добра добра не ищут, крепкую семью никакими театрами не разобьешь...

Итак, уход мой решен. Перехожу в Академический Большой драматический театр. Его главный режиссер Георгий Александрович Товстоногов искал актрису взамен одной, ушедшей в Москву из БДТ... Видите, миграция какая! Главное, повторю: за пять лет я фактически сыграла одну роль, этого хирурга. А годы идут. Мы в чем-то похожи на футболистов, те тоже с опаской следят за собственным возрастом. Такова житейская драматургия: где-то после сорока, в районе пятидесяти, актриса теряет свой ролевой материал.

— Когда же выйдете на сцену БДТ?

— Не раньше октября буду готова ответить на этот вопрос. Сейчас новый мой театр едет на гастроли в Японию, а меня ждет кинематограф. Эльдар Рязанов ставит фильм по знаменитой пьесе Островского «Бесприданница». Буду играть Огудалову. Вроде бы «ирония судьбы»: мечтала когда-то сыграть Ларису, а вот годы теперь не позволяют.

Неверно все это — не властны годы над этой умеющей чудесно преображаться актрисой, в чем и расписываюсь, недавно поведав Алису Фрейндлих в спектакле. Да и так вот, без грима, в самой близости, выглядит она очень молодо. Никак не скажешь, например, что в малолетстве успела перенести тяготы вражеской блокады.

— Что бы хотели вы передать военному читателю!

— Вся наша надежда — на мир, значит, на вас, наших защитников, дорогие мои солдаты. Хотелось бы, чтобы ваши бои и атаки всегда оставались учебными. И еще одно пожелание — офицерским женам: чистоты чувств вам, подруги, и покоя за своих мужей. И, конечно, — неуязвимость женственности, которую так ценит каждый мужчина.

В. НЕСТЕРЕНКО.

Алиса ФРЕЙНДЛИХ:

ВСТРЕЧИ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ В СОГЛАСИИ С СОБСТВЕННОЙ СОВЕЩЬЮ

нажиму», поставив на первое место свою профессиональную, да и человеческую совесть, — тогда в силу неких обстоятельств Ковалева может лишиться любимой ею работы... Человек ищет выход. Здесь шанс один: не поступиться совестью, долгом правозащитника. Таким и видится мне преддверие героизма. Потому что произойди все, что струсилось с Ковалевой, при иных, немирных, скажем так, обстоятельствах — она пошла бы и на большее...

«Ковалева из провинции» — из тех спектаклей, на которые зритель привык ходить «на Фрейндлих». Однако нельзя сказать, что эта актриса имела и имеет успех лишь в одном амплуа. Как пример удивительного диапазона ее таланта — спектакль «Люди и страсти». В нем Алиса Фрейндлих одинаково ярко, с полной самоотдачей играет двух европейских королев зрелого возраста и... юношу Уриэля Акосту, порывистого, искреннего. Во второй части спектакля, представляющего собой фрагменты различных произведений, она — уже в образе собенной, шамкающей старушки. Затем новое преобразование: артистка сама собой, без грима читает стихи и поет.

О ее пении надо бы писать особо. Только что «Мелодия» выпустила диск, целиком посвященный «поющей Алисе». А на днях мой пятилетний сын выключил пластинку с привлекательным названием «Голубой щенок». Взглянув на перечень действующих лиц и исполнителей, оказалось, что роль забавного Щенка играет и поет все она же, актриса, умеющая самозабвенно увлечь нас, зрителей, в «страну чудес», в страну поэтических, ярких образов, героев и нашего времени, и прошлых столетий.

Как же сложилась ее судьба?

Потом насчет кино случилось «затормозило». Откуда-то появилось мнение о «нефотогенности» актрисы. Готовясь к встрече с Фрейндлих, автор этих строк прочел ее слова в одной газетной публикации 1969 года: «Мои чувства к кинематографу не имеют взаимности, а его люблю, он меня нет».

— Теперь от него отбоя нет, — смеется актриса. — Горь сценариев, много предложений... Особенно густым потоком пошли приглашения после «Служебного романа».

— Сколько же всего сыграли вами ролей в кинотелефильмах?

— Если не ошибаюсь, более 25. Для театральной актрисы в общем довольно много. Съемки почти всегда связаны с экспедициями, совместить их со спектаклями подчас довольно сложно. Но если случаются счастливые совпадения — и сценарий нравится, и предложенная роль сулит творчески интересную работу, тогда уж с радостью берусь за дело.

— Вы обещали сказать насчет «Анны и Командора». И вообще: интересно себя смотреть в кино!

— Воспринимаю себя на экране трудно. Тут у меня для самооценки имеется всего два балла. «Просто стыдно» и «очень стыдно». («Сурово, однако», — заметил я, и здесь мы оба посмеялись). Если очень стыдно — значит плохо. Если просто стыдно — значит, я вроде ничего; но себя,

чен — драматург Александр Володин (он полюбил раньше, по пьесе «Дульсинея Тобосская» и по своим первым киносценариям). В радость было работать на съемочной площадке с таким удивительно тонким, пластичным, как мы говорим, партнером — Никитой Михалковым.

Алиса Бруновна отзывается о другом актере столь увлеченно, эмоционально, что я невольно удивляюсь про себя. Тем более что день для встречи выпал совсем не из радужных. Заговорить же о причинах ухода актрисы из театра имени Ленсовета как-то неловко. В одном из давних интервью попались ее слова: «Даже не представляю себя без театра Ленсовета...»

Услышав их вновь, Фрейндлих на мгновение задумалась: — Ну, бывают такие моменты в актерской жизни! Помните, у Островского в «Лесе» Счастливец и Несчастливец ходят из одного города в другой? Бывают, говорю, моменты, какая-то возрастная перемена, что ли... Да еще потребность остановиться и — обновиться.

— Это же, насколько понимаю, затрудняет творческий процесс?

— Затрудняет, да: не знаешь, будет ли подобная «перемена мест» на пользу, может, наоборот; никто этого не знает. В общем, за пять последних лет сыграна фактически одна роль, за которую мне не очень стыдно. Это персонаж из пьесы Алексея Арбузова «Нечаянный свидетель» — Любовь Георгиевна, хирург. Но речь в спектакле идет не о профессиональных, а о личных ее делах. Помнится, мы с вами начинали с разговора об экстремальных, приграничных моментах. Перед зрителем — три дня из жизни Любви Георгиевны, по существу самых тяжелых. От нее уходит муж. Почему? Была такая неслыханная любовь — и вот... В связи с нагнавшей на нее напастью